УДК 94(4)“1945/…”
DOI: 10.17223/19988613/60/15

М.А. Гетман

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (1970–2009)

Рассматривается трансформация наднациональной политики памяти Евросоюза в контексте формирования европейской идентичности. Анализируются внешние и внутренние причины изменения политики памяти и исторических нарративов, лежащих в ее основе. В фокусе – деятельность Европейского парламента как ключевого актора в данной сфере. Выделено несколько этапов политики памяти, каждый из которых ознаменовал новое изменение исторического нарратива, в соответствии с ответом на политические вызовы настоящего.
Ключевые слова: политика памяти; европейская идентичность; наднациональная политика памяти; исторический нарратив; Европейский союз.

Введение

Завершение биполярной конфронтации в конце прошлого столетия вызвало ряд системных трансформаций, которые затронули большое количество сообществ. В связи с этим актуализировалась проблема поиска новых форм коллективных идентичностей в регионах постсоветского пространства, странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Поскольку коллективные идентичности базируются на определенных интерпретациях прошлого, в контексте изменений социально-политического порядка необходимо переосмысление собственной национальной истории. Другими словами, исторический опыт определяет выбор траектории развития данного сообщества, и также – базовые политические ценности, разделяемые всеми, кто считает себя частью этого сообщества. Общая история и память являются инструментами формирования идентичности.

Коллективная идентичность считалась прерогативой национальных государств: способом легитимации и мобилизации граждан внутри ограниченного территориальными и культурными рамками национального сообщества. Однако в конце XX в. становится актуальным вопрос формирования иного типа идентичности – наднационального – поскольку одним из важнейших акторов на международной арене становится Европейский союз (ЕС), в начале 1990-х гг. переживший внутреннюю трансформацию: переход от экономической интеграции к построению политического сообщества с широкими наднациональными компетенциями. Для нового этапа европейской интеграции одной из задач становится формирование у граждан ЕС европейской наднациональной идентичности, которая могла бы обеспечить долгосрочную поддержку проекта интеграции европейцами.

Использование истории и памяти как инструментов конструирования идентичности укладывается в понятие «политика памяти». Под политикой памяти современный российский политолог О.Ю. Малинова понимает «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, законодательного регулирования» [1. С. 33]. Польский исследователь П. Варзянский отмечает, что память, которая в обществе представлена в виде нарратива о пережитых событиях, является политическим ресурсом, поскольку нарративы могут влиять на действия граждан, ценности, идентичность и представления о будущем. Соответственно, политические акторы конкурируют за возможность определять доминирующий исторический нарратив [2. P. 296]. В обществе могут сталкиваться различные взгляды на историю, различные нарративы, однако интересы специфических социальных групп, называемых З. Дужисином «создателями памяти» (memory makers) и обладающих ресурсами для широкого общественного признания определенной версии исторических событий, в итоге определяют, что помнит сообщество и как именно помнит [3. P. 555].

Таким образом, политика памяти – это деятельность политических акторов (институтов, социальных групп) по интерпретации значимых для сообщества исторических событий, цель которой – консенсус относительно понимания в публичном пространстве исторического опыта. Консенсус поддерживает идентичность и коллективное убеждение в правильности существующего социально-политического порядка. Ценностные ориентиры и лояльность базируются на определенном историческом нарративе, который воспроизводят на различных общественных уровнях акторы власти.

В рамках данной статьи я хочу обратиться к вопросу изменения европейской политики памяти, осуществляемой наднациональными акторами в контексте формирования европейской идентичности. Анализируя документы, принятые наднациональными институтами, я прослежу этапы этих изменений. Объектом анализа здесь выступает исторический нарратив, который конструируют институты ЕС. Также я рассмотрю внешние и внутренние факторы, способствующие трансформации исторического нарратива и содержания политики памяти Европейского союза. Моя гипотеза – наднациональная политика памяти Евросоюза является производной от политических изменений, которые

происходили и продолжают происходить как в масштабах всего континента, так и во внутренней политике стран, входящих в ЕС. Данное положение объясняет, почему исторический нарратив не может являться статичной категорией, но, напротив, подвергается активному переосмыслению со стороны акторов власти.

Исследователи, занимающиеся вопросами политики памяти ЕС, сходятся во мнении, что самая значительная перемена произошла после расширения Европейского Союза в 2004 г., когда к сообществу присоединились те страны, которые сами пережили этап внутренней трансформации. Восточное расширение сделало актуальной проблему формирования нарратива, учитывающего исторический опыт граждан из новых стран ЕС [4. P. 1183]. Однако это не значит, что до расширения в 2004 г. политика памяти ЕС не подвергалась каким-либо изменениям. В литературе не встречается конкретная «дата рождения» политики памяти, но в целом отмечается, что уже с 1950-х гг. наднациональные политические элиты пытаются создать «транснациональную память» [5. P. 331] с целью придать европейскому проекту, полностью направленному в будущее, историческое измерение и способствовать возникновению европейской идентичности на базе общих ценностей [6. P. 344].

Первая серьезная трансформация была связана с распадом социалистического блока в 1989 г., падением «железного занавеса», объединением Германии и завершением эпохи биполярности [7. P. 6]. Она ознаменовала переход от политики памяти, основанной на общем культурном наследии и в целом положительных образах Европы, к политике памяти, центральным элементом которой становится память о преступлениях, совершенных на континенте в годы Второй мировой войны. Признание за Холокостом статуса «самого главного преступления XX века» в 1990-е гг. способствовало утверждению политического консенсуса, который разделялся всеми входящими в ЕС странами: недопустимость национализма и ксенофобии, признание прав человека высшей политической ценностью, достигнутой объединенной Европой. Страны, присоединившиеся к ЕС в 2004 г., поставили под сомнение статус Холокоста как *единственного* преступления против человечности, предложив добавить в этот нарратив на равных преступления коммунистических режимов, которые прежде не включались в историческое повествование, формировавшееся акторами из Западной Европы.

Для изучения наднациональной политики памяти я обращаюсь к официальным документам, в текстах которых отразились перемены в видении конкретного содержания, целей и задач наднациональной политики памяти. Акторами политики памяти являются основные институты ЕС – Европейский парламент (ЕП), Европейский совет и Европейская комиссия (ЕК). Однако в статье я сосредоточу внимание на документах, выпущенных Европейским парламентом. Этот наднациональный институт, являясь единственным формируемым напрямую гражданами ЕС представительным органом, обладает бóльшей репрезентативностью по сравнению с другими основными институтами Евросоюза и, соответственно, бóльшей легитимностью. Так, опрос, проведенный службой «Евробарометр» показал, что Европарламент является самым известным институтом ЕС (92% респондентов слышали о нем) и также тем институтом, которому европейцы наиболее склоны доверять (48% из числа опрошенных) по сравнению с прочими наднациональными структурами [8. P. 84, 87].

Одно из важнейших направлений деятельности парламента – защита фундаментальных прав и свобод человека и поддержка демократии на уровне ЕС [9]. Согласно результатам социологического опроса, основными ценностями Европейского союза граждане называют права человека, уважение к жизни и достоинству людей и мир [10]. Эти ценности формируют европейскую идентичность, объединяя всех жителей ЕС. Как будет показано в тексте статьи на примере резолюций, наднациональная политика памяти, формируемая по большей части парламентом, основной своей целью ставит защиту прав человека в Европе. Исторический нарратив рассказывает европейцам о том, как Европа после этапа «катастроф» и преступлений против человечности в первой половине XX в. превратилась в сообщество, базовой ценностью которого являются права человека. Отстаивая такой взгляд, ЕП получает право выступать легитимным источником в плане оценки исторических событий и трактовок прошлого. Документы, подготовленные Европейской комиссией не продуцируют независимого от ЕП или Евросовета видения политики памяти: фиксируя в резолюции или декларации общее видение проблемы и формулируя содержание политики памяти, Европарламент затем делает запрос к комиссии с целью разработать какой-либо конкретный инструмент, способный реализовать на практике предложения парламента. Таким образом, Европейские парламент и Совет принимают решения (резолюции и декларации), комиссия же отчитывается в практической реализации программ (отчеты и тексты рамочных программ). ЕК принимает решения о финансировании определенных мероприятий в соответствии с решениями Парламента и Совета, например программы «Европа для граждан» [11]. Эта программа запущена Европейской комиссией в 2006 г. с целью повышения осведомленности граждан о работе институтов ЕС, поощрения демократических инициатив, в целом привлечения граждан к участию в политике на европейском уровне. Одним из трех направлений в рамках этой программы является «Европейская память».

Политика памяти (и, как более широкое понятие, – «коллективная память») – предмет активного осмысления в гуманитарных науках. Исследователи изучают национальные кейсы политики памяти, выявляя закономерности, универсальное и особенное в каждом из случаев. Долгое время в центре внимания оставалась политика памяти в Германии, затем – политика памяти в России, в Восточноевропейских странах. В качестве методов используется анализ официальных исторических нарративов, политических дискурсов, тем, которые получают внимание в общественных дебатах, практик коммеморации и символов, за которыми стоят

определенные интерпретации национального прошлого. О.Ю. Малинова предлагает рассматривать политику памяти в контексте символической политики, которую она определяет как борьбу за интерпретацию смыслов в публичном пространстве с целью получения политических дивидендов. Исследователь анализирует практики формирования «удобного к использованию прошлого», к которому политические элиты обращаются в качестве аргумента, когда речь заходит о принятии каких-либо инициатив [12. P. 86].

Наднациональная европейская политика памяти рассматривается как один из способов конструирования европейской идентичности и как возможность дополнительной легитимности для сообщества [4. P. 1183]. В целом среди исследователей есть согласие по поводу перспектив и ограничений наднациональной мемориальной политики [13]. Среди вызовов называют конкуренцию двух базовых нарративов европейской истории [14. P. 184], сопротивление отдельных стран возможной европеизации национального нарратива [15], политический конфликт внутри Европейского парламента, поскольку за разными видениями европейской истории стоят разные политические силы [16. P. 495]. Среди перспектив обозначают создание сходных практик вспоминания [17. P. 45], примирительный потенциал политики памяти, в рамках которой возможен диалог разных политических и социальных акторов [18. С. 170; 19. P. 610]. Впрочем, не все исследователи согласны с подобным взглядом. Например, А.И. Миллер считает, что память, скорее, несет больше конфликтов, в особенности в связи с восточным расширением ЕС [20. С. 118]. Другие исследователи полагают, что европейцы в принципе не смогут выработать согласованный взгляд на свое прошлое [21. P. 105]. Однако я считаю подобную позицию несколько необоснованной: несмотря на сложность самой задачи создания общей памяти в масштабах всего континента, наднациональные институты движутся в сторону все большего консенсуса и отходят от сугубо национальных интерпретаций истории. В этом плане показательным является создание по инициативе Европарламента музея «Дом европейской истории», который открылся в Брюсселе весной 2017 г. Это – амбициозный проект, однако его амбиции заключаются не в масштабе выставочной экспозиции, но в самой идее отказа от исключительно национальной перспективы рассмотрения исторических событий и попытке выстроить нарратив общеевропейской истории [22].

В настоящий момент ЕС не представил какого-либо программного документа или стратегии, согласно которой осуществляется вся политика памяти, однако есть достаточно четко сформулированное направление этой политики. Оно зафиксировано в Стокгольмской программе «Открытая и безопасная Европа, служащая своим гражданам и защищающая их», принятой Европейским советом в 2009 г.: «Европейский союз – это пространство общих ценностей, которые несовместимы с преступлениями геноцида, преступлениями против человечности и военными преступлениями, включая также и преступления, совершенные тоталитарными режимами. Каждое государство, входящее в ЕС, имеет собственный подход к данной проблеме, но в интересах примирения память об этих злодеяниях должна быть коллективной памятью, которую разделяем и поддерживаем, где, возможно, все мы. Союз должен выступать в роли координатора» [23. P. 8]. В этой цитате заключена главная цель мемориальной политики ЕС: сохранить память о преступлениях ради осознанного отношения к тем достижениям в области прав и свобод человека, которые защищает Европейский союз как наднациональная организация демократических стран. Кроме того, политика памяти Евросоюза нацелена на выработку общего *понимания* европейской истории. В этом документе находим и ту позицию, которую ЕС отводит сам себе: координатор. Каким образом ЕС пришел к подобному пониманию? Проследим трансформации наднациональной политики памяти с учетом причин изменений.

Память о лучшем в европейской истории (1970–1980-е гг.)

В первые послевоенные десятилетия в западноевропейских обществах формируются национальные исторические нарративы, согласно которым в годы войны страна была или жертвой нацизма, или, несмотря на оккупационный режим, имела влиятельное движение Сопротивления [24. P. 111]. Подобные нарративы определяли способы коммеморации Второй мировой войны, нормы публичных воспоминаний об этих событиях и также формировали идентичность нации. На уровне европейского сообщества, однако, память о Второй мировой войне не играла сколь-нибудь существенной роли в контексте формирования наднациональной европейской идентичности. Исторические предпосылки европейского единства находились в рамках дискурса об историческом и культурном наследии Европы. Первоначально политика памяти ЕС делала акцент на позитивных сторонах европейской истории, преследуя цель сформировать образ прогрессивной Европы, устремленной в будущее, государства которой сближаются ради благополучия своих граждан, чье единство определено культурой. При таком подходе события Второй мировой войны не рассматривались как структурообразующий элемент идентичности. По образному выражению итальянской исследовательницы О. Каллигаро, память о событиях Второй мировой войны была в тот период неким «ящиком Пандоры», открывать который не осмеливался ни один политический актор на европейской арене [5. P. 338].

Европейское сообщество выстраивало свою идентичность, скорее, оставаясь в логике биполярного миропорядка, отталкиваясь от противопоставления ценностей Европы как ценностей «свободного мира» ценностям тоталитарного восточного блока. В декларации о европейской идентичности 1973 г. Вторая мировая война, оккупация и Холокост вообще не упоминаются [25. P. 118]. В документе говорится об общем культурном наследии европейцев, сходном образе жизни, политических ценностях как базовых элементах европейской идентичности, среди которых представительная демократия, верховенство закона и ува-

жение прав человека. Однако в декларации не указано, какие исторические обстоятельства сделали эти ценности определяющими для Европы. Декларация не ссылается на опыт прошлого, за исключением одной оговорки: «…европейские страны когда-то сделали выбор в пользу разобщенности и защищали ошибочные интересы. Однако они преодолели свою вражду и пришли к мнению, что единство – залог сохранения их общей европейской цивилизации» [25. P. 118]. Исторический нарратив того периода можно интерпретировать следующим образом: национализм европейских стран, который определял политику и взаимодействие между государствами в течение почти всего XIX и первой половины XX в., был трагической ошибкой европейской истории. Несмотря на то, что националистические настроения охватили как правителей, так и массы, европейское единство имело более глубокие корни, нежели европейский национализм. Цивилизационная и культурная общность Европы существовала «всегда», и создание Европейского сообщества в рамках такого нарратива было результатом закономерного исторического развития.

Основная цель наднациональной политики в сфере истории в этот период – создание общественного консенсуса и лояльности к европейской интеграции в странах Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и подготовка условий для более масштабной экономической и политической интеграции [26. P. 85]. Следует отметить, что критика национализма в контексте формирования исторического нарратива и акцент на позитивных достижениях единой европейской цивилизации соотносились с ситуацией настоящего: евроскептические настроения в странах сообщества, экономические трудности, которые угрожали единому рынку. История же могла подтвердить не просто правильность выбранного направления, но также недопустимость отката назад, т.е. к дезинтеграции и политике национальных интересов.

Период с 1970-х до 1989 г. можно обозначить как этап становления и функционирования «положительной» политики памяти с ее фокусом на культурное наследие. Это не значит, что события Второй мировой войны и Холокост были забыты на официальном европейском уровне; но память о войне и варварстве использовалась как рамка, на фоне которой позитивные достижения Европейского сообщества выглядели еще ярче. Негативный опыт не воспринимался как часть европейской идентичности, но, напротив, описывался в качестве абсолютной противоположности того, чем «Европа» является сегодня. Политические элиты ЕС создавали дистанцию между памятью о трагедиях войны и причастностью этого опыта к интеграционному проекту.

Как история становится «хорошо выученным» уроком (1989–2004)

В 1989 г. произошло несколько событий, которые определили ход европейской истории: 9 ноября падение Берлинской стены ознаменовало завершение периода биполярной конфронтации в Европе и объединение Германии, а в странах Восточной и Центральной Европы в результате «бархатных революций» последовательно пали коммунистические режимы. Для наднационального Европейского экономического сообщества это значило поиск своей роли в новых условиях, когда противопоставление, на котором строилась идентичность «свободной» Западной Европы, утратило свою актуальность: значимый «другой» (коммунистическая Восточная Европа) прекратил свое существование. На смену ему пришла Европа, полная решимости стать демократической и желавшая также присоединиться к наднациональному сообществу.

События 1989 г. вызвали в европейских странах явление, получившие впоследствии название «бум памяти». Трансформации, случившиеся на континенте в период 1989–1991 гг., привели к общественным дискуссиям, главной темой которых была официальная память о Второй мировой войне, которая не всегда соответствовала исторической действительности. В отношении к истории войны существовала следующая позиция: «подведение черты» (под прошлым). В Германии прошла денацификация, главные военные преступники наказаны, а для успеха интеграции не стоит лишний раз говорить о событиях «тех лет». Однако данный официальный подход снимал ответственность за соучастие простых людей в преступлениях периода немецкой оккупации [27. P. 85]. И если статус-кво (разделение Европы на Восток и Запад) изменился и история дала новый виток, значит «черта» под прошлым была подведена преждевременно. Нарратив «все мы [страны Западной Европы] были жертвами нацистов» [27. P. 86] пересматривается в ходе общественных обсуждений.

Так, в 1995 г. президент Франции Жак Ширак официально признал Францию ответственной за соучастие в Холокосте и виновной в гибели французских евреев [28. С. 102]. В Германии в том же году проходит масштабная выставка, посвященная преступлениям вермахта, своей целью ставившая разрушить миф о «хорошем вермахте», который якобы, в отличие от частей СС, не был виновен в геноциде и военных преступлениях [29. С. 423].

Следует иметь в виду эти национальные контексты, связанные с изменением трактовок событий Второй мировой войны. На первый план выходит осознание того, что самое главное событие войны, которое и должно формировать память о ней, – это Холокост. Безусловно, дискуссии в странах Европейского союза повлияли на европейскую политику памяти, однако институты ЕС также переосмысливали прошлое. В этом плане показательны две резолюции Европейского парламента. Одна из них – «О защите нацистских концентрационных лагерей как исторических памятников на европейском и международном уровне» (1993), вторая – «Установление дня памяти жертв Холокоста» (1995), изданная в годовщину 50-летнего окончания Второй мировой войны.

Активность ЕП в этой сфере объясняется международным контекстом того времени: впервые с 1945 г. на континент вернулся вооруженный конфликт, сопровождавшийся к тому же этническими чистками и

вспышками национальной и религиозной нетерпимости. Речь идет о войне на Балканах 1992–1995 гг. как следствии распада Югославии. Чтобы делегитимизировать радикальные взгляды и зафиксировать свою позицию по отношению к проявлениям национализма, ЕП обращается к Холокосту как к убедительному историческому аргументу, примеру уникального по своим масштабам и последствиям преступления против человечности [30]. Происходящее на Балканах Европарламент квалифицировал в терминах нарушения прав человека. Война в Югославии к тому же угрожала самому главному достижению европейской интеграции – миру на европейском континенте. Пусть конфликт и не происходил в политических границах Евросоюза, символически наднациональные акторы помещали Балканы в зону своей ответственности. Тому свидетельствует следующий тезис: «Евросоюз готов защищать мир и демократию как внутри сообщества, так и за его пределами» [31]. Полагаю, здесь также отразилось стремление ЕС найти свою роль в контексте пост-биполярного мира: Европейское сообщество претендовало на ведущую позицию в западном мире, и активность в сфере защиты прав человека могла укрепить положение ЕС.

Исторический нарратив трансформируется под влиянием изменений национальных историй и под влиянием позиции наднациональных акторов. ЕС принимает на себя ответственность за преступления, а память о них становится моральным долгом и залогом сохранения демократии и обеспечения соблюдения прав человека. Тогда именно Холокост становится «точкой отсчета» для европейской идентичности, «мифом основания» европейской интеграции [16. P. 489; 32]. В 2000 г. Европейский союз сыграл одну из ключевых ролей в институционализации памяти о Холокосте уже на международном уровне: по решению шведского премьер-министра Й. Перссона создана «Международная организация по увековечиванию памяти Холокоста», в состав которой сразу же вошли несколько крупных европейских стран (Германия, Франция, Италия). Задачей новой структуры являлось сохранение памяти об этой трагедии в международном масштабе. Исследователи в этой связи даже писали о формировании «глобальной памяти», где центральным звеном является Холокост [33. P. 88].

С точки зрения политических ценностей в Европе окончательно складывается консенсус: любой актор власти, претендующий на участие в публичной политике, не должен подвергать сомнению значение Холокоста и также не может высказывать публично радикальных антисемитских и националистических взглядов. Подобные националистические нарративы не являются легитимными. В этом смысле память о Холокосте не может вызывать разногласий у различных политических сил в ЕС.

Таким образом, в период с 1989 по 2004 г. формируется и утверждается самокритичная парадигма европейской истории. Холокост как уникальный пример «исторического зла» становится предупреждением и способом предотвратить даже сами предпосылки нетерпимости. Нарратив, конструируемый наднациональными акторами, выглядит следующим образом: национализм и радикальные взгляды привели к трагедии геноцида, преступлению, совершенному государством против своих граждан и также граждан других стран. Европейское сообщество стало ответом на масштабное насилие и преступления против человечности. Гарантии соблюдения прав человека, защита достоинства и соблюдение прав меньшинств – это достижения ЕС. Память о трагедии Холокоста объединяет европейцев. Меняется фокус восприятия европейской истории: не культурные предпосылки, а общая трагедия и решимость не допустить ее повторения стали триггерами интеграции.

Восток и Запад в поисках общего знаменателя: политика памяти после расширения Европейского союза в 2004 г.

В странах Центральной и Восточной Европы с 1989 г. проводилась декоммунизация как часть демократического транзита. Суть декоммунизации в полном отказе от всех общественных и политических практик периода социализма. Одной из форм этого процесса становится изменение национальных исторических нарративов в государствах ЦВЕ, выраженное в пересмотре значения событий, которые последовали после 1945 г. Прежде нарративы о Второй мировой войне определялись официальной историографией: освобождение от фашизма в страны Восточной Европы принесла Советская Армия, и в благодарность за это народы ЦВЕ, в контексте начавшегося блокового противостояния, после ряда «демократических» революций выбрали «правильную» сторону. Иначе говоря: присоединились к социалистическому блоку. Иные трактовки войны находились вне официального дискурса.

Декоммунизация общественной жизни и «возвращение» национальной памяти в странах ЦВЕ существенным образом повлияли на наднациональную политику памяти. После 2004 г. европейские акторы проводят декоммунизацию уже на уровне всего сообщества. Большую роль здесь сыграла активность политиков из стран ЦВЕ, которые стали депутатами Европарламента, например таких, как Сандра Калниете (Латвия), Туне Келамм (Эстония) [34. P. 348].

Второе изменение политики памяти – иная трактовка значения даты «8 мая 1945». В западноевропейском нарративе за этой датой был закреплен однозначный смысл: завершение ужасов войны и геноцида, начало новой эпохи мира и процветания. Для народов Восточной Европы «8 мая 1945» значило замену одного тоталитаризма (нацистского) другим (сталинским). Для ЦВЕ большое символическое значение имело признание со стороны наднациональных институтов этой позиции: «8 мая 1945» принесло освобождение *не всему* континенту.

Евросоюз поддерживал память о Холокосте как определяющую для всей системы европейских политических ценностей. Но с точки зрения Восточной Европы сталинизм и коммунизм были точно таким же преступлением, как и Холокост, имевшим неменьшее значение для ценностей Европы. Поэтому когда ис-

следователи говорят о дихотомии, или конкуренции памятей Востока и Запада, правильнее было бы понимать это не собственно как «соревнование» между памятью жертв, а как проблему определения: какое историческое событие более значимо для складывания европейской идентичности? Вопрос памяти остается также вопросом распределения властных и финансовых ресурсов, поскольку Европейская комиссия поддерживает проекты в сфере памяти в рамках программы «Европа для граждан». Некоммерческие просветительские проекты, подготовленные неправительственными акторами, могут получить грант на реализацию, если их содержание поддерживает развитие «толерантности, взаимопонимания, межкультурного диалога и примирения» [11]. Но когда эксперты Комиссии будут выбирать между проектом коммеморации сталинских преступлений и проектом коммеморации Холокоста, при прочих равных условиях у кого больше шансов на финансовую поддержку для реализации?

Некоторые критикуют акторов из Восточной Европы за попытки «прикрыться» национальными жертвенными нарративами, в то время как проработка собственного прошлого и память о соучастии местного населения в геноциде евреев в период оккупации (Польша, Венгрия) или открытый коллаборационизм в годы войны (Латвия, Литва, Эстония) остаются «в тени» [35. P. 357]. С другой стороны, продвижение своей памяти является способом добиться равного статуса в европейской политике [36. P. 656].

Для институтов ЕС важной задачей становится приведение памяти «к общему знаменателю». Как я покажу на примере двух резолюций и декларации Европарламента, ответом на данный вызов стало формирование «антитоталитарной» парадигмы европейской истории.

В принятой 12 мая 2005 г. резолюции «Будущее Европы 60 лет спустя после Второй мировой войны», по сути, предлагается иная интерпретация результатов войны. Авторы текста отмечают, что 8 мая 1945 г. мир и свобода воцарились только в западной части Европы, ведь «для некоторых народов окончание Второй мировой войны означало возобновление тирании, навязанной сталинским Советским Союзом» [37]. Главная мысль этого документа: по-настоящему война в Европе завершилась только в 1989 г., когда рухнул «железный занавес», а полностью последствия войны были преодолены только 1 мая 2004 г., когда к Евросоюзу присоединились страны бывшего восточного блока. Резолюция уделяет много внимания историческому опыту Восточной Европы, ее трагедии и пути к европейскому единству, однако это все еще оценка опыта «другого» с точки зрения Западной Европы, которая находится на положение «старшего партнера». В резолюции трагедия Холокоста, которая является отправной точкой для конструирования идентичности и памяти, упоминается один раз и вне какого-либо контекста с политическими ценностями Европы [37]. Фокус смещен даже не в сторону страданий, пережитых в коммунистических странах, но в сторону Европейского союза как модели мира и его достижений. Следует подчеркнуть, что резолюция – пробный шаг в попытке найти компромисс между различными силами, выстраивая «подлинно общую европейскую память»; акцент на роли ЕС, скорее всего, является рациональной и сбалансированной тактикой, тем самым «общим знаменателем» двух парадигм памяти.

В 2008 г. Европарламент принимает декларацию о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. Это сделано в преддверии 70-летней годовщины подписания пакта Молотова–Риббентропа, или же советско-германского пакта о ненападении, секретные протоколы которого касались раздела сфер влияния в Европе между двумя диктаторами. Документ стал вехой на пути формирования антитоталитарной парадигмы, в рамках которой и нацизм, и сталинизм сводятся к одной категории – преступления против человечности [38]. Тем самым авторы текста попытались снять напряжение между двумя историческими нарративами.

В апреле 2009 г. Европейский парламент издает резолюцию «Европейская совесть и тоталитаризм», которая закрепляет концептуальные рамки наднациональной политики памяти и является квинтэссенцией предыдущих документов в этой области. Авторы резолюции признают, что для стран Западной Европы ключевым историческим опытом стал нацизм, а народы Восточной и Центральной Европы столкнулись как со сталинизмом, так и с нацизмом [39]. В тексте, впрочем, оговаривается, что при всей жестокости авторитарных и тоталитарных режимов в Европе XX в. «уникальность Холокоста не должна подвергаться сомнению» [Ibid.]. Резолюция содержит следующий вывод: «Европа не будет едина до тех пор, пока не выработает общий взгляд на свою историю и не признает нацизм, сталинизм, фашистские и коммунистические режимы в качестве общего наследия». Показательно это внутреннее разграничение антидемократических режимов: так, с целью включения в исторический нарратив действительно всех проблемных точек истории акторы ЕС делают видимыми в публичном пространстве франкистский режим в Испании, очерчивают хронологическую границу между сталинизмом в Восточной Европе и диктатурой коммунистических партий боле позднего периода. Европейский парламент формирует своего рода максиму политики памяти ЕС: «…с точки зрения жертв, не имеет значения, какая идеология лежала в основе политического режима и с какой целью людей угнетали» [Ibid.]. Тем самым ЕС отвечает на критику по поводу приравнивания преступлений нацизма и сталинизма; якобы это невозможно по причине разницы идеологических целей, лежащих в основе политических практик. У Европейского союза – особая ответственность за сохранение демократии (на основе памяти), причем «как внутри ЕС, так и за его пределами». Европейская интеграция является ответом на трагедии прошлого, и ее основное историческое достижение – в сохранении мира и демократии на основе уважения к правам человека.

Таким образом, институты ЕС попытались найти «общий знаменатель» двух нарративов памяти, предложив вписать их на равных правах под зонтичную конструкцию антитоталитарной парадигмы, фокус которой – на историческом опыте в качестве предупреждения и важности сохранения демократии и прав

граждан. Европейский союз получает «дополнительную легитимность», подтвержденную самой историей.

Заключение

История в виде определенного нарратива (т.е. последовательного рассказа о событиях) обосновывает коллективную идентичность, определяет ценностные ориентиры сообщества и вектор(ы) его развития. Политика памяти является способом направить коллективные представления о прошлом (и будущем) в нужное, с точки зрения акторов власти, русло.

Институты ЕС своей задачей ставят выход за рамки национальных историй и конструирование общеевропейского исторического, наднационального по своей сути нарратива. Политика памяти Евросоюза прошла в своем развитии несколько этапов, и каждый из них характеризовался определенным изменением нарратива. Как я показала в своем исследовании, политика памяти и лежащие в ее основе нарративы меняются не просто по усмотрению какого-либо института ЕС, но только в контексте ответа на определенный вызов, в качестве реакции на социально-политические трансформации. Ключевым наднациональным актором, ответственным за содержание политики памяти, является Европейский парламент – репрезентативный орган Европейского союза, поэтому в статье я обратилась к его деятельности, проведя анализ позиций ЕП, зафиксированных в официальных документах.

Две самые глубокие по своим масштабам трансформации наднациональной политики памяти произошли после 1989 и 2004 гг. и явились ответом на внешние и внутренние вызовы, связанные, во-первых, с распадом прежней структуры международных отношений, который актуализировал проблему поиска идентичностей в переживших трансформации сообществах, в число которых входила и Западная Европа, во-вторых, с интеграцией в уже сформированное политическое пространство новых стран, в свою очередь, проводивших ряд системных реформ.

Акторы власти меняют нарратив, когда прежняя картина прошлого утрачивает актуальность в качестве средства обоснования коллективной идентичности. Активная политика памяти закрепляет новые формы прочтения истории, становясь, таким образом, инструментом, с помощью которого возможно объяснить произошедшие перемены.

На современном этапе Европейский союз предлагает антитоталитарную парадигму европейской истории, в рамках которой два тоталитаризма XX в. (и два исторических опыта) интерпретируются в одинаковой категории «преступления против человечности». Тем самым наднациональные акторы стремятся закрепить «примирительный» консенсус, где примирение достигается за счет фокуса на достижениях ЕС в области прав человека. Такое понимание европейской истории XX в. по большей части возникает из современных политических задач, тем не менее оно способно стать своего рода «общим знаменателем» для коллективных памятей граждан Западной и Восточной Европы, которые понимают защиту прав человека как самую главную ценность объединенной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.–СПб. : Нестор-История, 2018. С. 27–54.
2. Wawrzynsky P. The Government's Remembrance Policy. Five Theoretical Hypothesis // Polish Political Science Yearbook. 2017. Vol. 46 (1). P. 294–312.
3. Dujisin Z. Post-Communists Europe: On the Path to a Regional Regime of Remembrance? // Thinking Through Transition. Liberal Democracy, Authoritarian Pasts, and Intellectual History in East Central Europe after 1989 / ed. by M. Kopecek and P. Wcislik. Budapest : Central European University Press, 2015. P. 553–587.
4. Littoz-Monnet A. The EU Politics of Remembrance: Can Europeans Remember Together? // West European Politics. 2012. Vol. 35, № 5. P. 1182–1202.
5. Calligaro O. Legitimation Through Remembrance? The Changing Regimes of Historicity of European Integration // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23, № 3. P. 330–343.
6. Neumayer L. Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the "Crimes of Communism" in the European Parliament // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23, № 3. P. 344–363.
7. Wæhrens A. Shared Memories? Politics of Memory and Holocaust Remembrance in the European Parliament1989-2009 // DIIS Working Paper. 2011. Vol. 06. 24 p.
8. Standard Eurobarometer 90. Autumn 2018 : Report. Public Opinion in the European Union. European Union, 2018. 214 p.
9. About Parliament. Democracy and Human rights // European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/democracy-and-human-rights (accessed: 21.05.2019).
10. Standard Eurobarometer 77. Spring 2012 : Report. The values of Europeans. European Commission. Public Opinion. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm (accessed: 21.05.2019).
11. Europe for Citizens. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency // European Commission. URL: https://eacea.ec.europa.eu/europe-for-citizens_en (accessed: 21.05.2019).
12. Malinova O. Constructing the "Usable Past": the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia // Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia. Eurasian Studies Library. 2019. Vol. II. P. 85–105.
13. Sierp A. Drawing Lessons from the Past: Mapping Change in Central and South-Eastern Europe // East European Politics and Societies and Cultures. 2016. Vol. 30, № 1. P. 3–9.
14. Lagrou P. Memories of totalitarianism. Asymmetry of memory, East & West and the Holocaust // Memory and Responsibility. The legacy of Jan Karski / E. Smolar (dir.). Warsaw : Semper Scientific Publishers, 2015. P. 182–192.
15. Neumayer L. Advocating for the cause of the "victims of Communism" in the European political space: memory entrepreneurs in interstitial fields // Nationalities Papers. 2017. Vol. 45, № 6. P. 992–1012.
16. Littoz-Monnet A. Explaining Policy Conflict across Institutional Venues: European Union-Level Struggles over the Memory of the Holocaust // Journal of Common Market Studies. 2013. Vol. 51, № 3. P. 489–504.
17. Prutsch J. Markus.European Remembrance Policy // Observing Memories. 2018. Is. 2. P. 42–48.
18. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
19. Rigney A. Transforming Memory and European Project // New Literary History. 2012. Vol. 43. P. 607–628.

20. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121.
21. Bult J. Why a Common European Culture of Remembrance Shall not Emerge // Lithuanian Foreign Policy Review. 2010. № 24. P. 100–106.
22. Mission & vision // House of European history. URL: https://historia-europa.ep.eu/en/mission-vision (accessed: 22.05.2019).
23. The Stockholm Programme – An Open and Secure Europe Serving and Protecting Citizens // Official Journal of the European Union. 2010. 4 May. 38 p.
24. Droit E. The Gulag and the Holocaust in Opposition: Official Memories and Memory Cultures in Enlarged Europe // Vingtieme Siecle. Revue d'histoire. 2007. № 94 (2). P. 101–120.
25. Document on The European Identity published by the Nine Foreign Ministers on 14 December 1973, in Copenhagen. Bulletin of the European Communities. December 1973, No 12. Luxembourg : Office for official publications of the European Communities. «Declaration on European Identity», URL: http://www.cvce.eu/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html (accessed: 21.03.2019).
26. Calligaro O. Negotiating Europe. The EU promotion of Europeanness since the 1950s. Palgrave Macmillan, 2013. 252 p.
27. Judt T. The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe // Daedalus. 1992. Vol. 121, № 4. P. 83–118.
28. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et contra. 2009. № 3-4 (46). С. 89–109.
29. Кауганов Е.Л. Выставка «Преступления Вермахта» 1995–1999 и ее вклад в немецкую культуру памяти о нацистском прошлом // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 3 (13). С. 421–436.
30. Resolution on European and international protection for Nazi concentration camps as historical monuments // Official Journal of the European Communities C 72. 1993. Vol. 36, 15 March. P. 118–119.
31. Resolution on a day to commemorate the Holocaust // Official Journal of the European Communities C 166. 1995. Vol. 38, 3 July. P. 132.
32. Leggewie C. Seven circles of European Memory. Eurozine, December 2010. URL: https://www.eurozine.com/seven-circles-of-european-memory/ (accessed: 22.03.2019).
33. Levy D., Schnaider N. Memory Unbound. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 2002. № 5 (1). P. 87–106.
34. Neumayer L. Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the "Crimes of Communism" in the European Parliament // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23, № 3. P. 344–363.
35. Radonic L. "Europeanization of the Holocaust" and Victim Hierarchies in Post-Communist Memorial Museums // Entangled Memories. Remembering the Holocaust in a Global Age / ed. by M. Henderson and J. Lange. Heidelberg : Universitatsverlag Winter GmbH, 2017. P. 353–387. (American Studies – A Monograph Series, Vol. 275).
36. Mälksoo M. The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15 (4). P. 653–680.
37. The future of Europe sixty years after the Second World War. European Parliament resolution on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945 / Thursday, 12 May 2005 – Strasbourg. European Parliament.
38. European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism. Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism // Official Journal of the European Union. C. 8. E/57. 2010. 14 Jan.
39. European conscience and totalitarianism. European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism / Thursday, 2 April 2009 – Brussels. European Parliament.

Getman Margarita A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: margarita.getman2015@yandex.ru

TRANSFORMATIONS ON EUROPEAN UNION REMEMBRANCE POLICY (1970–2009)

Keywords: remembrance policy; European identity; supranational memory politics; historical narrative; European Union.

This article examines how the supranational remembrance policy provided by European Union (EU) institutions as a part of European identity formation has changed since 1970's till 2009. The object of study is historical narrative constructed by actors of power. Purpose of this research is to underline external and internal conditions behind any European remembrance policy transformation.

Key promoter of memory policy is European Parliament (EP), the only European institution which is formed by citizens voting. I focused on official documents (resolution) proposed by EP to understand choosing directions of memory politics and transformation of historical narrative.

As I suppose, remembrance policy changed under impact of external and internal factors, and I distinguish three stages of supranational memory policy. First one – from mid-1970 until 1989. Here actors create positive image of Europe through "European heritage" and success of economic integration process.

After the end of Cold war Europe need to find its new role and identity. Official narratives of war began to revise in all European states. Since 1990s Holocaust remembrance and this tragedy itself is foundation historical event for European identity and for understanding of political values such as human rights and tolerance. Main factor for signification of Holocaust memory is Bosnian war (1992-1995).

Since East Enlargement (2004) new states contribute to European historical narrative with their experience of Stalinism and communism. After 2005 (with EP Resolution on 60 Anniversary of WWII), one could observe massive turn in supranational remembrance policy: from paradigm where crime of Holocaust interpret as "unique evil" to paradigm "Nazism and Stalinism as both equally crimes against humanity". Such anti- totalitarian narrative could bring consensus to shared understanding of modern European history. European Parliament issued two resolutions (2008, 2009) to fasten Eastern memory on communism crime as significance to Europe. But problem is interpretation of European identity: which historical event (Holocaust or Stalinism) contribute more to creation of nowadays Europe and its values?

Author concludes that focus on EU's achievement in human rights defense is a way to create supranational historical narrative: European history interpret as a path from nationalism and anti-democratic regimes crimes to the space of freedom and rights of European citizens.

REFERENCES

1. Malinova, O.Yu. (2018) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The policy of memory as an area of symbolic policy]. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (eds) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the policy of memory]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 27–54.
2. Wawrzynsky, P. (2017) The Government's Remembrance Policy. Five Theoretical Hypothesis. *Polish Political Science Yearbook*. 46(1). pp. 294–312. DOI: 10.15804/ppsy2017119
3. Dujisin, Z. (2015) Post-Communists Europe: On the Path to a Regional Regime of Remembrance? In: Kopecek, M. & Wcislik, P. (eds) *Thinking Through Transition. Liberal Democracy, Authoritarian Pasts, and Intellectual History in East Central Europe after 1989*. Budapest: Central European University Press. pp. 553–587.

4. Littoz-Monnet, A. (2012) The EU Politics of Remembrance: Can Europeans Remember Together? *West European Politics*. 35(5). pp. 1182–1202. DOI: 10.1080/01402382.2012.706416
5. Calligaro, O. (2015) Legitimation Through Remembrance? The Changing Regimes of Historicity of European Integration. *Journal of Contemporary European Studies*. 23(3). pp. 330–343. DOI: 10.1080/14782804.2015.1054794
6. Neumayer, L. (2015) Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the "Crimes of Communism" in the European Parliament. *Journal of Contemporary European Studies*. 23(3). pp. 344–363. DOI: 10.1080/14782804.2014.1001825
7. Wæhrens, A. (2011) Shared Memories? Politics of Memory and Holocaust Remembrance in the European Parliament1989–2009. *DIIS Working Paper*. 6.
8. The European Union. (2018) *Standard Eurobarometer 90. Autumn 2018/ Report*. Public Opinion in the European Union. European Union.
9. The European Parliament. (n.d.) *About Parliament. Democracy and Human Rights*. [Online] Available from: http://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/democracy-and-human-rights. (Accessed: 21st May 2019).
10. The European Union. (2012) *Standard Eurobarometer 77. Spring 2012/ Report. The values of Europeans. European Commission. Public Opinion*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm. (Accessed: 21st May 2019).
11. The European Commission. (n.d.) *Europe for Citizens/Education, Audiovisual and Culture Executive Agency*. [Online] Available from: https://eacea.ec.europa.eu/europe-for-citizens_en. (Accessed: 21st May 2019).
12. Malinova, O. (2019) Constructing the "Usable Past": the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia. *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia. Eurasian Studies Library*. 2. pp. 85–105. DOI: 10.1163/9789004366671_006
13. Sierp, A. (2016) Drawing Lessons from the Past: Mapping Change in Central and South-Eastern Europe. *East European Politics and Societies and Cultures*. 30(1). pp. 3–9. DOI: 10.1177/0888325415605890
14. Lagrou, P. (2015) Memories of totalitarianism. Asymmetry of memory, East & West and the Holocaust. In: Smolar, E. (ed.) *Memory and Responsibility. The legacy of Jan Karski*. Warsaw: Semper Scientific Publishers. pp. 182–192.
15. Neumayer, L. (2017) Advocating for the cause of the "victims of Communism" in the European political space: memory entrepreneurs in interstitial fields. *Nationalities Papers*. 45(6). pp. 992–1012. DOI: 10.1080/00905992.2017.1364230
16. Littoz-Monnet, A. (2013) Explaining Policy Conflict across Institutional Venues: European Union-Level Struggles over the Memory of the Holocaust. *Journal of Common Market Studies*. 51(3). pp. 489–504. DOi: 10.1111/j.1468-5965.2012.02317.x
17. Prutsch, J.M. (2018) European Remembrance Policy. *Observing Memories*. 2. pp. 42–48.
18. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
19. Rigney, A. (2012) Transforming Memory and European Project. *New Literary History*. 43. pp. 607–628.
20. Miller, A.I. (2016) Politics of memory in post-communist Europe and its impact on European culture of memory. *Politiya – Politeia.* 1(80). pp. 111–121. (In Russian).
21. Bult, J. (2010) Why a Common European Culture of Remembrance Shall not Emerge. *Lithuanian Foreign Policy Review*. 24. pp. 100–106.
22. The House of European History. (n.d.) *Mission & vision*. [Online] Available from: https://historia-europa.ep.eu/en/mission-vision. (Accessed: 22nd May 2019)
23. The European Union. (2010) The Stockholm Programme – An Open and Secure Europe Serving and Protecting Citizens. *Official Journal of the European Union*. pp. 115.
24. Droit, E. (2007) The Gulag and the Holocaust in Opposition: Official Memories and Memory Cultures in Enlarged Europe. *Vingtieme Siecle. Revue d'histoire*. 94(2). pp. 101–120. DOI: 10.3917/ving.094.0101
25. The European Communities. (1973) Document on The European Identity published by the Nine Foreign Ministers on 14 December 1973, in Copenhagen. *Bulletin of the European Communities*. December 1973, No 12. Luxembourg: Office for official publications of the European Communities. [Online] Available from: http://www.cvce.eu/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69- 4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html p.118-122. (Accessed: 21st March 2019)
26. Calligaro, O. (2013) *Negotiating Europe. The EU promotion of Europeanness since the 1950s*. Palgrave Macmillan.
27. Judt, T. (1992) The Past is Another Country: Myth and Memory in Postwar Europe. *Daedalus*. 121(4). pp. 83–118. DOI: 10.1017/CBO9780511491580.008
28. Sherrer, Yu. (2009) Germaniya i Frantsiya: prorabotka proshlogo [Germany and France: the study of the past]. *Pro et contra*. 3–4(46). pp. 89–109.
29. Kauganov, E.L. (2015) Vystavka "Prestupleniya Vermakhta" 1995–1999 i ee vklad v nemetskuyu kul'turu pamyati o natsistskom proshlom [The Wehrmacht Crimes Exhibition 1995–1999 and its contribution to the German culture of the memory of the Nazi past]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 3(13). pp. 421–436.
30. The European Communities. (1993) Resolution on European and international protection for Nazi concentration camps as historical monuments. *Official Journal of the European Communities*. 36. pp. 118–119.
31. The European Communities. (1995) Resolution on a day to commemorate the Holocaust. *Official Journal of the European Communities*. 38. pp. 132.
32. Leggewie, C. (2010) *Seven circles of European Memory*. Eurozine, December 2010. [Online] Available from: https://www.eurozine.com/seven-circles-of-european-memory/. (Accessed: 22nd March 2019)
33. Levy, D. & Schnaider, N. (2002) Memory Unbound. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory. *European Journal of Social Theory*. 5(1). pp. 87–106. DOI: 10.1177/1368431002005001002
34. Neumayer, L. (2015) Integrating the Central European Past into a Common Narrative: The Mobilizations Around the "Crimes of Communism" in the European Parliament. *Journal of Contemporary European Studies*. 23(3). pp. 344–363. DOI: 10.1080/14782804.2014.1001825
35. Radonic, L. (2017) "Europeanization of the Holocaust" and Victim Hierarchies in Post-Communist Memorial Museums. In: Henderson, M. & Lange, J. (eds) *Entangled Memories. Remembering the Holocaust in a Global Age*. Heidelberg: Universitatsverlag Winter GmbH. pp. 353–387.
36. Mälksoo, M. (2009) The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe. *European Journal of International Relations*. 15(4). pp. 653–680. DOI: 10.1177/1354066109345049
37. The European Parliament. (2005) *The future of Europe sixty years after the Second World War. European Parliament resolution on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945*. Strasbourg: European Parliament.
38. The European Union. (2010) European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism. Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism. *Official Journal of the European Union*. E/57 14.1.2010.
39. The European Parliament. (2009) *European conscience and totalitarianism. European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism*. Thursday, 2 April 2009. Brussels: European Parliament.